Цзиньсун видел только, что Мэн Чэнью улыбнулся добродушной улыбкой полиции.

"Спасибо за напоминание полицейского дяди, если что, я тебя найду."

Эта улыбка была дьявольской улыбкой в глазах Ань Чжинсона в этот момент.

Он не сомневался, что с ним случится, что он сделал с их матерью и сыном в течение стольких лет, что она будет навязывать ему один за другим.

Цзиньсонг был забран ею, и потому, что он был под контролем, он не мог сопротивляться все время.

Мэн Чэн Юй отвез его к машине, обратно домой, соседи видели, как Мэн Чэн Юй действительно взял Ань Цзиньсонг назад, выражение до сих пор немного странное.

Но в конце концов, они не осмеливаются вмешиваться в эти вещи, если An Jinsong сходит с ума, кто знает, что он будет делать, соседи слышали, как он угрожал убить их не один раз, кто осмеливается вмешиваться?

Когда она вошла в дом, когда Мэн Чэнью запер дверь, она холодно улыбнулась, обернулась и ударила по лицу Ань Цзиньсона "пощечиной".

Она сама выбрала курс боевых искусств, она хотела не только обладать способностью к духовным мыслям, но и обладать абсолютной силой.

Когда эта пощечина ушла, она почувствовала только несравненное счастье, но было странное ощущение покоя.

Тело Чжинсона ослабло, контроль упал в контакт, но его рот все еще издавал звук, только для того, чтобы быть отбитым в сторону.

Он стремился сопротивляться, Мэн Чэн Юй просто махнул рукой, он был вынужден выбить, Мэн Чэн Юй схватил настольную пепельницу, которую он часто использовал, без пощады к его плечу, чтобы разбить.

Разбить голову - это плохо, разбить ее до смерти, что не так уж и дешево.

Кричащие дни Цзинсона не работают, кричащие землю.

Единственное, что он мог слышать, это звук удара тупым предметом по плечам и резкую боль в плечах и костях.

Он держал лицо красным, из него болезненно выходил холодный пот, он держал плечо и молча плакал.

"Когда ты ударил мою мать, когда ты ударил меня, было ли это так, не так ли? Больно? Я спрашиваю тебя, больно ли это, блядь!"

В этот момент лицо Мэн Чэн Ю было совершенно свирепым.

Точно так же, как сказал психолог, что было так легко контролировать себя.

В то же время Мэн Чэн Юй почувствовала холодное ощущение в сердце, как будто что-то заставило ее успокоиться.

Но гнев был переплетен с этим состоянием, и она все равно неизбежно становилась раздражительной.

Цзиньсун не мог ответить, Мэн Чэн Ю. каждый вопрос, который она ударила, пепельница специальная, такой материал стекла, если не сильно ударил по земле, в противном случае ударил людей кость не будет ломаться, боль можно себе представить.

И Ан Чжинсонг, не один раз, прямо взяла эту пепельницу, ударила ее и ее мать.

"Ты знаешь, как сильно я хочу убить тебя, как сильно я хочу убить тебя за один вздох!!!!"

Мэн Чэн Юй сражается, в то время как слёзы всё ещё выливаются.

Потому что слишком взволнованный, слишком обиженный, первоначальная боль, теперь превратились в ненависть, она только хотела отомстить.

Цзинсонг был пойман ею место, чтобы разбить, боль разбивает сердце, вскоре этот кусок плоти и крови расплывчато.

Видя, что он не дышит, Менг Ченгю только взъерошил волосы и успокоился.

Она встала и посмотрела на Ан Чжинсон, ее глаза замерзли: "Думаешь, теперь все кончено? Сейчас это только начало, потом будет что-то, от чего ты будешь страдать".

Цзиньсун смог издавать звук в мгновение ока, и он вдруг умолял о прощении: "Я был неправ, я действительно был неправ, Сяо Юй, папа был неправ, папа был неправ, а...".